

Слава Блуд

(Из «Истории новейшей Федерации Российской»)

Слово о Михрюте

Родился Михрюта в самом центре Великой России, а точнее – в райцентре под названием Зысрань. Название это дали еще монголо-татары, которых пленила красота местечка, расположенного на крутом берегу великой русской реки Бездонки. На старотатарском языке это слово означало «рай», или «рай-город», или «райцентр». Со временем поселок разросся и стал именоваться Великой Зысранью.

По паспорту Михрюта был Михредин, но так называла его только бабка его, Оглашена, а все остальные жители Зысрани звали его по-свойски – Михрютой.

Михрюта был великоросс. Т.е. до определенного возраста он просто рос, да и то плохо: в стране тогда свирепствовал авитаминоз и болезнь «бери-бери», потому как мало было конфет и пива. Для того чтобы поднять страну и население, правительство объявила программу «Время». Министерством и ведомствам было дано поручение увеличить импорт конфет и производство пива. Программа «Время» объявила Россию великой, а жителей ее (за исключением лиц кавказской национальности, которые хотели только есть конфеты, а пиво пить отказывались) – великороссами.

Генеалогическое древо рода Михрюты уходило вместе с ветвями и стволом глубоко в прошлое, и найти его поэтому было почти невозможно. В древних летописях упоминается лишь сам родоначальник и основатель Зысрани, живший во времена татаро-монгольского нашествия. Это был невысокий и бородатый человек по имени Оглloed. По одним летописям он жил в Зысрани один, по другим – проживал он в землянке с крестьянином Брюхо по прозвищу Пятка.

Когда к Зысрани подошла Орда, Оглloed (по некоторым летописям сопровождаемый крестьянином Брюхом) вышел из землянки, чтобы встретить врага. То было войско грозного хана Кочумая и племянника его Чучмека. «Плати дань, свинья!» - приказал Кочумай. Оглloed вскинул на конного хана включенную свою бороду и вскричал: «А ху-ху не хо-хо?» Татары обнажили сабли, готовые порубить смельчака на бешбармак. Но Кочумай остановил их, взгляделся в лицо смельчака, усмехнулся и велел повесить на Оглloeda ярлык «кизяк-башки», который освобождал его от уплаты ясака.

Что было со славным Оглloedом после этого поворотного в русской истории поединка - неизвестно. Но в течение нескольких столетий потомки его носили в своей фамилии часть его имени – Оглы.

Славный путь прошел и сам Михрюта. Всю свою сознательную жизнь – т.е. каждый день до 11 часов утра, не считая выходные и понедельник, он посвятил служению Отечеству. Остальное время Михрюта проводил в неравном единоборстве с пьянством и его пагубными – на это и уходили понедельник – последствиями. Служил на разных руководящих должностях. Одно время едва не был избран районным путиним. («Путин» (старомонгольск.) – начальник, судья, комендант, авторитет, отец родной.) Были и неудачи: как-то за плохую организацию работы вверенного ему управления был с должности снят. После чего в характеристике написали: «не справился с управлением».

Основное же занятие Михрюты заключалось в том, чтобы поднимать сельское х-во Великой России. Так, по почину Всероссийского путина, он засеял местные болота завезенной из Австралии кузиковой, предназначенной для откорма скота. Вся кузика, однако, была поглощена болотом. Тогда решено было осушить болота. Кузика удалась на славу. Некоторые кочаны были величиной со среднего великоросса. Самый большой экземпляр погрузили краном на Белаз и отвезли в Москву на ВДНХ. Кочан посетил сам Всероссийский путин. По первому ТВ каналу стали говорить о новом возрождении величия России.

Однако радость была преждевременной. Скот отказался есть кузику. Хуже того, кузика разрасталась стремительными темпами, рушила изгороди и постройки и местами даже сама нападала на мелкий рогатый скот. Тогда из братской православной Эфиопии был выписан бегемот по кличке Великорот, способный поедать до 100 центнеров кузики в день. Но возлагавшиеся на него надежды были напрасны: сразу же по прибытии Великорот загадочно исчез: то ли спрятался в болотах, то ли – что вероятнее – был похищен и съеден жившими по соседству великомординами.

А тем временем кузика перла на поселок как немецко-фашистские танки на Курской дуге. Было объявлено ЧП. Всероссийский путин приказал премьер-министру подготовить поручение правительству по нахождению Великорота. Для оценки гуманитарных потребностей над Зысранью пролетел самолет МЧС. Местный кулибин из ворованных алюминиевых тазов и кастрюль изготовил прибор – бегемотоискатель, аналогов которому не было во всем мире. При помощи уникального изобретения было найдено четыре (4) бегемота, но Великорота среди них не оказалось.

Наконец было решено поднимать дальнюю авиацию и с ее помощью подавить кузику пестицидами. Однако присланные из Америки пестициды оказались, как водится, просроченными. Тогда было принято тяжкое, но единственно правильное решение – бомбить Зысранский район, чтобы зеленая чума не доползла до Москвы. Для смягчения побочного вредного эффекта для населения, было дано указание применить ковровое бомбометание с предварительной эвакуацией. К несчастью, из-за 6-часовой разницы во времени между Москвой и Зысранью эвакуация совпала с бомбометанием. Бой был страшным. Был проявлен массовый героизм. В итоге кузика была побеждена. Но и потери были немалые: в ходе продолжительного и упорного бомбометания без вести пропали: два вертолета боевой поддержки, все боеприпасы на арт. складе в Армавире, ж/д состав с ГСМ на узловой станции Льгов, а также глубоководный батискаф и мичман Рябошапка с Мурманской военно-морской базы. А также все провода линии электропередач между Хабаровском и

Владивостоком. А также ТВ антенна с дома Михрюты. И еще алюминиевая раскладушка с огорода Михрютино соседа Николая, великоудмурта. В самой Зысрани от населения остался сам Михрюта, великоудмурт Николай и еще одна семья, члены которой были наполовину турками, из-за чего все называли их полутурками.

С годами мало-помалу население возвращалось в Зысрань. Появились новые условия жизни. Начался капитализм и демократизация. Люди стали приобщаться к общечеловеческим ценностям, есть много импортных конфет и пить пиво. Никто уже не вспоминал о боевых заслугах Михрюты, о том, как он был одним из немногих, кто остался принять бомбовый удар и чудом уцелел. Михрюте стало обидно, и он стал обращаться в разные инстанции и требовать медаль. Все ж таки не последним он был Зысранцем. В центре долго думали, какую бы медаль отлить Михрюте, и, наконец, придумали. Вручили ему торжественно в районном путинате именную медаль с надписью: «За юркость перед Отечеством».

Больше всего на свете Михрюта любил Родину и всероссийского путина. Особенно нравилось ему, как всероссийский путин приказывает по 1-му ТВ каналу своему премьер-министру подготовить то одно поручение, то другое – для исправления всяческих недостатков и улучшения жизни. А еще любо ему было смотреть, как всероссийский путин выезжает на места в различных костюмах: в ВМФ – в форме подводника показывает, как надо нырять; в мундире ракетных войск следит, как ракета попадает в Камчатку; а то вылезает из танка в шлеме и говорит: «Порядок в танковых частях!»; а то и вовсе без всякого костюма показывает молодежи, как повысить рождаемость в Великой России. А еще всяким горе-ученым подскажет, как развивать альтернативные источники энергии, рыбакам прикажет прекратить использовать дрифтерные сети, а лесорубам – гнать за границу «кругляк». Михрюте даже сон приснился про всероссийского путина: как появляется он в костюме северного оленя, ведет за собой в тундру оленья стадо и показывает, как откапывать из-под снега ягель.

А врагов России Михрюта ненавидел. Их было много. Самыми лютыми из них были прибалты и хохлы. Прибалтов Россия когда-то присоединила к себе, чтобы кормить и защищать от немцев. Но не в коня корм. Прибалты построились «свиньей» и присоединились к немцам, чтобы те защищали их от русских. Хуже прибалтов были только латыши, которые русского деда Мороза заменили дядюшкой Гитлером и у русского меньшинства пытались вырвать русский язык. Немногим лучше их были хохлы, или как называли их на 1-ом госканале – малороссы. Преступлениям их не было числа. В первом ряду стояло воровство. Малороссы умудрились украсть у России ну пусть и не целый остров, но полуостров - Крым. Патриоты, к которым принадлежал Михрюта, требовали возврата Крыма и возвращения ему исконного русского названия – Мал-Ямал. А в последнее время, как объявили по ТВ, малороссы стали воровать у великороссов природный газ. И хоть много природного газа было у Михрюты, он, прежде чем его из себя испустить, всегда оглядывался – не крадется ли за ним вороватый хохол. А еще малороссы выращивали ядовитых свиней и гнали их через границу в Россию. Эти ядовитые свиньи представляли большую угрозу великороссам. Стоило великороссу укусить такую свинью, как у него начинался великий понос. Поэтому правительством было принято решение украинских свиней в Россию больше не пускать.

К другим нацменьшинствам Михрюта, как и все другие жители Зысрани, относился терпимо, а то и по-дружески, даже к евреям. «Что вы все так евреев не любите, - спрашивал он соседей-полутурков, - Они, коли хотите, тоже, может, люди не хуже вас, чурок поганных».

К иностранцам Михрюта относился с подозрением из-за того, что они делали вид, будто не понимают по-русски (специально так делали, чтобы в удобный момент застать врасплох). Вот был такой случай. Как-то давно еще Михрюта поехал по профсоюзной путевке в ГДР. В гостинице пошел в ресторан поесть: питание входило в стоимость путевки. Принесли ему суп, а хлеба нет. Михрюта и говорит: «Хлеб!» Никто не реагирует. Михрюта тогда громче: «Хлеб!» Официант только плечами пожимает. Тут Михрюта стал кулаками по столу стучать и кричать: «Хлеб! Хлеб! Хлеб!» А рядом сидел какой-то фриц и жрал бутерброд. Слушал он Михрюту, слушал, а потом как запустит в него этим бутербродом. Михрюта схватил хлеб, стал грызть, довольный: «Все ж таки понимает немчура русский язык!»

Иностранцев Михрюта иногда даже жалел. Вот все у них есть – высокие технологии, деньги и т.д., а с русскими тягаться – кишка тонка. Вот взять Леньку, сына соседа Николая. Захотел участвовать в зимних олимпийских играх. Сызмальства лыжи любил. Но где ж их взять, лыжи-то? Так сам себе сделал: выковал на машинном дворе из железа. Тренировался и день, и ночь, уже в олимпийскую команду взяли, но не повезло парню: кто-то лыжи на металлолом спер.

Еще была у Михрюты совесть. Как-то сидел Михрюта, смотрел всероссийского путина по ТВ. Тот был одет в Иисуса Христа. «Не укради, - говорит, - нельзя воровать, всю Россию разворовали, мы теперь будем воров мочить.» Задумался Михрюта. Ведь он только у великоудмурта Николая утащил раскладушку, два алюминиевых таза и ТВ антенну. Стыдно стало Михрюте. И решил он отдать Николаю алюминиевые тазы. Но жизнь есть жизнь – то одно, то другое – закрутился Михрюта и так и не отдал. К тому же и спор у него получился с Николаем из-за русского языка.

А дело было так. Написал Николай на Михрютином заборе слово: «Педарас». Михрюта ему и говорит: «Вот ты, Коля, все-таки удмурт неграмотный. Не педарас, а пидарас.» «Да ты и сам русского языка сроду не знал, - ответил Николай, - я правильно написал». «Есть проверочное слово», - говорит Михрюта. «Какое это еще слово?» «Пидар», - ответил Михрюта. Умолк Николай, но обиделся.

А однажды решили известить Михрюту и научили его Богу молиться. Лоб он себе не расшиб, но голова заболела. Пошел в больницу. Сделали ему рентген головы. Врач говорит: «Рентген ничего не показал». «Как это – ничего?» «А вот так. Можете сами посмотреть». Показывает рентген – а там действительно ничего. Вообще ничего. «А голова где?» - спрашивает Михрюта. «Не знаю, - говорит доктор, - сам теряюсь в догадках. Уникальный в медицине случай: чтобы невооруженным глазом голова наблюдалась, а вооруженным – нет». «Рентген ваш – говно», - сказал Михрюта и поехал в область. В областной поликлинике рентген нашел Михрютину голову, в которой оказались глисты. Обрадовался Михрюта: свято место пусто не бывает.

Как ни протестовал он, врачи сделали промывание марганцовкой, чтобы глисты не пошли ниже. И вот с тех пор Михрюте больше не снился один и тот же дурной сон. А снилось ему раньше, как просыпается он и глядит в окно, а там лежит сельское хозяйство, лежит и не поднимается. Выбегает Михрюта в сердцах, пинает сельское хозяйство ногой в бок и кричит: «Поднимайся, свинья!» И вдруг, к ужасу Михрюты, из сельского хозяйства появляется эфиопский бегемот Великорот, открывает свою пасть и кричит: «А ху-ху не хо-хо?» Так вот больше таких кошмаров не было, и зажил Михрюта спокойно, можно сказать, счастливо.

Нью-Йорк, июнь 2006г.